

Пересборка СОЦИАЛЬНОГО

*Введение
в акторно-сетевую
теорию*

Бруно Латур

С Е Р И Я
С О Ц И А Л Ь Н А Я
Т Е О Р И Я
В Ы С Ш А Я
Ш К О Л А
Э К О Н О М И К И

Социальная теория

Бруно Латур

**Пересборка социального.
Введение в акторно-
сетевую теорию**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2005

УДК 316.2
ББК 60.5

Латур Б.

Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2005 — (Социальная теория)

ISBN 978-5-7598-2055-0

В этой книге выдающийся французский социолог Бруно Латур бросает вызов нашему пониманию общества и «социального». Он показывает, почему социальное не может мыслиться как разновидность материала или как некая сфера, и ставит под сомнение сам проект «социального объяснения» какого-либо другого положения дел. Хотя этот более ранний проект был в прошлом продуктивен и, возможно, необходим, теперь он почти остановлен, и отчасти благодаря прогрессу социальных наук. На нынешней стадии их развития уже невозможно тщательно пересмотреть компоненты, составляющие область социального. Автор переопределяет понятие социального, возвращаясь к его первоначальному значению с тем, чтобы сделать его вновь способным проследивать связи. Это должно позволить вернуться к традиционной цели социальных наук, но с помощью инструментов, более ей соответствующих. После проведения обширной работы по изучению «сборок» в природе, автор показывает, что именно «собирается» под сенью общества, и утверждает, что это единственный способ сохранить верность старым обязательствам социологии, этой «науки о жизни сообща». Этот подход приобрел широкую известность как акторно-сетевая теория, и настоящая книга служит незаменимым введением для тех, кто стремится понять эту теорию или познакомиться с идеями одного из ее основных представителей.

УДК 316.2
ББК 60.5

ISBN 978-5-7598-2055-0

© Латур Б., 2005
© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2005

Содержание

Благодарности	7
Введение: как вернуться к задаче прослеживания ассоциаций	8
Часть первая	21
I. Введение в первую часть: учимся кормиться разногласиями	21
II. Первый источник неопределенности: групп нет – есть только группообразование	25
Перечень следов, оставляемых группообразованием	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Бруно Латур

Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию

*Студентам-докторантам, которым мне посчастливилось
сопровождать в некоторых их путешествиях*

BRUNO LATOUR
REASSEMBLING The SOCIAL
An Introduction to Actor-Network-Theory

В оформлении обложки использован фрагмент картины Гэри Шихана: Gary Sheehan (Atomic Energy Commission). First nuclear chain reaction. 1957.

This translation is published by arrangement with Oxford University Press and Alexander Korzhenevski Agency. National Research University Higher School of Economics is solely responsible for this translation from the original work and Oxford University Press shall have no liability for any errors, omissions or inaccuracies or ambiguities in such translation or for any losses caused by reliance thereon.

© Bruno Latour 2005

© Перевод на русский язык. Издательский дом Высшей школы экономики, 2014; 2020

Благодарности

Эта книга прошла через множество перерождений. Все началось почти тридцать лет назад, когда у меня появилась возможность учиться социологии приматов у Ширли Штрум и ее бабуинов в Кении. Хотя наш с Ширли проект так и остался в лимбе, он стал сырьевым ресурсом для моего преподавания социологии начинающим инженерам в Высшей горной школе Парижа. Когда в 1996 году мне предложили читать Леклерковские лекции в Левен-ла-Нев, я решил, что настала пора синтезировать все, что я узнал от Мишеля Каллона, Джона Ло, Мадлен Акрич, Энди Барри, Эннмари Мол, Антуана Хенниона и многих других, в то, что получило известность как «акторно-сетевая теория». Со временем я обнаружил, что читатели были озадачены – не столько нашими взглядами на научную практику и разные другие проблемы, сколько необычным значением, приданным нами словам «социальное» и «социальные объяснения». И еще: эта альтернативная социальная теория никогда не была объектом систематического введения. Вместо того чтобы сокрушаться о том, что эта малочисленная школа мысли превратилась в монстра, сбежавшего от своих создателей-франкенштейнов, я решил, что, возможно, лучше ознакомить интересующихся читателей с ее интеллектуальной архитектурой.

Только в 1999 году, когда Барбара Чернявска предложила мне прочитать интенсивный курс социальной теории, который был бы «совместим с потребностями исследований организаций», я начал писать полный черновой вариант текста. Хотя в публикуемом тексте не использована эта запись, любезно систематизированная Барбарой, я чрезвычайно признателен ей и ее гетеборгским студентам за организацию материала, который, кроме всего прочего, излагался на отделении информационных систем Лондонской школы экономики зимой 1999, 2000 и 2001 годов. Когда мой старый друг Стив Вулгар, при содействии Сейд Бизнес Школы, осенью 2002 года предложил мне прочитать Кларендонские лекции, я написал второй черновой вариант, который за прошедшее с тех пор время обсудили с разной степенью детальности Эндрию Барри, Гови Беккер, Джеф Баукер, Франсуа Корен, Дидье Дебас, Жерар де Вриз, Эмили Гомар, Фабиан Муньеса, Нуртжи Маррес, Ширли Штрум, Альбина Янева, Бенедикт Зайтуни и Эдгар Уитли; результатом обсуждений стала эта новая версия. Наконец, она прошла второй круг критики со стороны Майкла Флауэра, Жана-Туссена Лека, Майкла Линча, Паоло Кватроне, Изабель Стенгерс (Isabelle Stengers) и Эдуардо Варгаса. Если бы можно было сказать, что все оставшиеся недостатки – их, а не мои. Однако в самом большом долгу я перед докторантами, годами бывшими участниками моих «семинаров по написанию диссертаций». В той дисциплине, которой я никогда не учился, но в которую никогда не терял надежды внести свой вклад, они мои лучшие и самые терпеливые учителя.

Надеюсь, что такой затянувшийся и необычный процесс создания как-то приблизит читателя к пониманию причин моей пристрастности в этой работе. Теперь, когда эта альтернативная социальная теория представлена в упорядоченном виде, читатели могут решать – пользоваться ли ей, исказить ли ее до неузнаваемости или, что всего вероятнее, все равно не обращать на нее внимания, – но теперь уже зная, что это такое! Что же до меня, то, работая над этой книгой, я наконец-то понял, при каких условиях я смог бы с гордостью называться социологом.

Введение: как вернуться к задаче прослеживания ассоциаций

Основную мысль этой книги можно сформулировать очень просто: социологи, относя прилагательное «социальный» к тому или иному феномену, обозначают им некое устойчивое состояние, комплекс связей, который потом может быть использован для описания какого-то другого феномена. В таком употреблении этого слова нет ничего плохого, пока оно обозначает то, что *уже* собрано вместе, без излишних допущений о природе собранного. Однако когда под «социальным» начинают понимать разновидность материала, пользуясь этим термином как прилагательным примерно того же ряда, что и «деревянное», «стальное», «биологическое», «экономическое», «ментальное», «организационное» или «лингвистическое», возникают проблемы. Тут значение термина распадается, поскольку теперь он обозначает две совершенно разные вещи: во-первых, сам процесс сборки, а во-вторых, особый тип компонента, который, как предполагается, отличается от других материалов.

В этой работе я намерен показать, почему социальное не может мыслиться как разновидность материала или как некая сфера и подвергнуть сомнению сам проект «социального объяснения» какого-либо другого положения дел. Хотя этот, более ранний, проект был в прошлом продуктивен и, возможно, необходим, теперь он почти остановлен, и отчасти благодаря прогрессу социальных наук. На нынешней стадии их развития уже невозможно тщательно пересмотреть компоненты, составляющие область социального. Я хочу переопределить понятие социального, вернувшись назад к его первоначальному значению, и сделать его вновь способным проследить связи. Тогда станет возможным вернуться к традиционной цели социальных наук, но с помощью инструментов, более ей соответствующих. После проведения обширной работы по изучению «сборок» (*assemblages*) в природе, я считаю необходимым более тщательно разобраться в том, что именно «собирается» (*assembled*) под сенью общества. С моей точки зрения, это единственный способ сохранить верность старым обязательствам социологии, этой «науки о жизни сообща»¹.

Однако подобный проект влечет за собой и переопределение того, что обычно понимают под этой дисциплиной. В переводе – и с латыни, и с греческого – «социология» значит «наука о социальном». Это было бы отличное выражение, если бы не два слабых места – слово «социальное» и слово «наука». Достоинства, которые мы сегодня с готовностью приписываем научным и техническим инициативам, имеют мало общего с тем, что имели в виду основатели социальных наук, создавая эти дисциплины. В разгар модернизации востребованность науки была настолько велика, что она могла расширять свою область до бесконечности без всяких опасений, замедлявших бы ее развитие. Никто не понимал, что такое расширение значения слова «наука» может привести к его распространению почти на всю остальную область социального взаимодействия. Не менее радикальная трансформация произошла и с тем, что понималось под «обществом», в значительной мере благодаря тому же самому распространению продуктов науки и технологии. И уже непонятно, существуют ли вообще отношения достаточно специфичные, чтобы называться «социальными», которые можно было бы объединить в особую область, способную функционировать как «общество». Похоже, что социальное в

¹ Это выражение объясняется в: *Tévenot L. A science of life together in the world*. Этот логический порядок – сборки общества за сборками природы – точная противоположность тому, в котором я пришел к мысли о нем. Две книги: *Latour B. Pandora's Hope: Essays on the reality of science studies*; и *Latour B. Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy*; были написаны спустя много времени после того, как мои коллеги и я разработали альтернативную социальную теорию, предназначенную иметь дело с новыми загадками, обнаруженными после проведенных нами полевых исследований в области науки и техники.

разбавленном виде есть всюду, а в чистом – нигде. Таким образом, ни наука, ни общество не остались достаточно неизменными, чтобы выполнить обещания строгой «социо-логии».

Несмотря на эту двойную метаморфозу, несколько социологов пришли к радикальному выводу о том, что необходимо изменить и объект, и методологию социальных наук. После стольких разочарований они все еще надеются в один прекрасный день достигнуть земли обетованной – истинной науки о реальном социальном мире. Никому из исследователей эти болезненные сомнения не знакомы лучше, чем тем, кто, подобно мне, долгие годы практиковал этот оксюморон – «социологию науки». В силу множества парадоксов, порожаемых этой живой, но несколько извращенной ветвью знания, и многочисленных изменений в значении слова «наука», мне думается, настало время изменить и то, что понимается под «социальным». Таким образом, мне хочется создать альтернативное определение «социологии», все еще сохраняя это полезное название и в то же время оставаясь, надеюсь, верным ее традиционному призванию.

Что такое общество? Что значит «социальное»? Почему о некоторых видах деятельности говорят, что они имеют «социальное измерение»? Как можно показать присутствие «социальных факторов» в действии? Когда исследование общества или иных социальных образований является хорошим исследованием? Как можно изменить путь развития общества? При ответе на эти вопросы можно придерживаться двух совершенно разных подходов. Один из них стал общепринятым, а другой – предмет настоящей работы.

Первый из них состоит в постулировании существования особого вида явлений, называемого по-разному: «обществом», «социальным порядком», «социальной практикой», «социальным измерением» или «социальной структурой». Для прошлого столетия, на протяжении которого и разрабатывались социальные теории, было важно отличить эту область реальности от других, таких как экономика, география, биология, психология, право, наука и политика. О данном явлении говорилось, что оно «социальное», или «присуще обществу», когда его можно было определить как обладающее особыми качествами, отчасти негативными – оно не должно было быть «чисто» биологическим, лингвистическим, экономическим, природным; отчасти позитивными – оно должно было реализовывать, укреплять, отражать, поддерживать, воспроизводить или подрывать социальный порядок. Как только эта область была очерчена, пусть даже и нечетко, ее можно использовать для прояснения специфически социальных явлений (социальное может быть объяснено через социальное) и для выработки определенного типа объяснения того, что невозможно объяснить, исходя из других областей: обращаясь к «социальным факторам», можно объяснять «социальные аспекты» не-социальных явлений.

К примеру, хотя за правом признается собственная сила, некоторые его аспекты были бы лучше поняты, если к нему добавить некое «социальное измерение»; несмотря на то, что экономические силы разворачиваются в соответствии с собственной логикой, существуют социальные элементы, которыми можно объяснить весьма сумасбродное поведение калькулирующих агентов; хотя психика развивается, исходя из собственных внутренних побуждений, о некоторых ее наиболее сбивающих с толку аспектах можно сказать, что они связаны с «социальным влиянием»; хотя у науки есть собственный импульс развития, некоторые особенности ее поиска с необходимостью «связаны» с «социальной ограниченностью» ученых, «погруженных в социальный контекст своего времени»; хотя искусство в значительной мере «автономно», оно тоже «испытывает влияние» социальных и политических «соображений», которыми можно объяснить некоторые аспекты самых известных шедевров; хотя наука управления подчиняется собственным законам, но и здесь желательно учитывать и «социальные, культурные и политические аспекты для объяснения, почему некоторые твердые организационные принципы никогда не применяются на практике.

Можно легко найти множество других примеров, поскольку эта версия социальной теории стала «позицией по умолчанию» программного обеспечения нашего мышления, исходя-

щего из следующего: существует «социальный контекст», в котором имеют место не-социальные виды деятельности; это особая область реальности; ее можно использовать как особый тип причинно-следственной связи для объяснения остаточных аспектов других дисциплин (психологии, права, экономики и т. д.), которые не могут с ними полностью справиться; данную особую область реальности изучают ученые-специалисты, называемые социологами или «социох», где «Х» – «местоблюститель» различных дисциплин; поскольку обычные агенты всегда находятся «внутри» объемлющего их социального мира, они могут быть в лучшем случае «информантами» об этом мире, а в худшем – слепы к его существованию, влияние которого во всей полноте видно лишь натренированному глазу ученого-социолога; неважно, насколько трудно вести такие исследования, но социологи могут симитировать успех естественных наук, будучи столь же объективными, как и другие ученые, благодаря использованию количественного инструментария; если же это невозможно, то следует изобрести альтернативные методы изучения, принимающие в расчет «человеческие», «интенциональные» или «герменевтические» аспекты указанных областей, не отказываясь при этом от научного этоса. А когда социологов просят дать экспертное заключение по социальной инженерии или сопровождению социальных изменений, подобные исследования могут стать политически значимыми, но только после того, как будут накоплены достаточные знания.

Такая «позиция по умолчанию» превратилась в здравый смысл не только ученых-социологов, но и обычных акторов благодаря газетам, образованию в объеме колледжа, политике партий, беседам в барах, любовным историям, журналам мод и т. д.² Социальные науки распространяют свое определение общества столь же исправно, как обслуживающие компании поставляют электричество и телефонные услуги. Давать комментарии, касающиеся непрямого «социального измерения» всего, что мы и другие делаем «в обществе», стало для нас таким же обычным делом, как пользоваться мобильным телефоном, заказывать пиво или обсуждать эдипов комплекс, – по крайней мере, в развитом мире.

Второй подход не принимает как само собой разумеющийся основной принцип первого. Он утверждает, что в социальном порядке нет ничего специфического, что нет никакого социального измерения, никакого «социального контекста», никакой отдельной области реальности, которой можно было бы навесить этикетку «социальное» или «общество»; что нет никакой «социальной силы», которой можно было бы «объяснить» недоступные объяснению остаточные характеристики других областей; что члены [общества] сами хорошо знают, что делают, даже если не говорят об этом к вящему удовольствию наблюдателей; что акторы никогда не погружены в социальный контекст и потому они всегда нечто гораздо больше, чем «просто информанты»; что, следовательно, нет никакого смысла в добавлении «социальных факторов» в другие научные специальности; что политическая значимость, достигаемая с помощью «науки об обществе», не всегда желательна; и что «общество», вовсе не являясь всеохватывающим контекстом, должно скорее мыслиться как один из множества связующих элементов, циркулирующих внутри тонких каналов. Это второе направление мысли – с определенной долей вызова – могло бы использовать в качестве лозунга знаменитое восклицание М. Тэтчер (вызванное, впрочем, совершенно другими причинами!): «Не существует такой вещи, как общество».

Но если два эти подхода столь различны, то как могут они оба претендовать на то, чтобы быть наукой о социальном, и стремиться использовать одно и то же название – «социология»? На первый взгляд они должны быть попросту несовместимы, поскольку вторая позиция полагает главной требующей разрешения загадкой именно то, что первая считает своим решением, а именно существование особых социальных связей, обнаруживающих скрытое присутствие

² Распространение самого слова «актор», которое я пока оставляю непроясненным одно из многих проявлений этого влияния.

особых социальных сил. Согласно альтернативной точке зрения, «социальное» – это не клей, способный соединять что угодно, включая и то, что не под силу другим видам клея; это как раз то, что склеивается воедино множеством *других* типов соединителей. В то время как социологи (или социоэкономисты, социолингвисты, социальные психологи и т. д.) принимают социальные агрегаты как данность, с помощью которой можно объяснить остаточные аспекты экономики, лингвистики, психологии, менеджмента и т. д., этот второй подход, напротив, рассматривает социальные агрегаты как то, что необходимо объяснять специфическими связями, обусловленными экономикой, лингвистикой, психологией, правом, менеджментом и т. д.³

Но если держать в уме этимологию слова «социальное», то сходство между двумя подходами окажется гораздо большим. Хотя большинство социологов предпочло бы называть «социальным» нечто гомогенное, вполне допустимо обозначать тем же словом некий след *связей* между гетерогенными элементами. Поскольку в обоих случаях происхождение этого слова одно и то же – от латинского корня «socius», то можно сохранить приверженность изначальным интуициям социальных наук, определив социологию не как «науку о социальном», а как *прослеживание связей*. В таком понимании прилагательное «социальное» обозначает не вещь среди других вещей, вроде черной овцы, затесавшейся среди белых, а *тип связи* между вещами, которые сами по себе не являются социальными.

Вначале такое определение кажется абсурдным, поскольку рискует выхолостить социологию, отсылающую теперь к любому типу агрегатов – от химических связей до правовых, от атомных сил до корпораций, от физиологических структур до политических альянсов. Но дело именно в том, что эта альтернативная ветвь социальной теории стремится *дать возможность* заново соединить все эти разнородные элементы в каком-то определенном порядке. Это вовсе не поразительная гипотеза, а, напротив, самый обычный опыт, который мы имеем при встрече с таинственным ликом социального. В продажу поступает новая вакцина, предлагается новая должностная инструкция, создается новое политическое движение, открывается новая планетная система, принимается новый закон, происходит новая катастрофа... В каждом случае нам приходится перетряхивать свои представления о том, что было связано воедино, потому что прежнее определение стало до некоторой степени бесполезным. Мы уже не уверены в том, что такое «мы». Кажется, мы связаны «узами», которые не похожи на регулярные социальные связи.

Постоянно сужающееся значение социального

В последовательных изменениях корневой группы слова «социальное» просматривается четкая этимологическая тенденция [Штрум, Латур, 1987]. Она направлена от наиболее общего к наиболее поверхностному. Этимология слова «социальное» также поучительна. Его корень – «seq-, sequi», а первичное значение – «следовать». Латинское слово «socius» означает «спутник», «товарищ». Историческая генеалогия слова «социальное», судя по различным языкам, изначально восходит к «следованию за кем-то», затем идет «членство» и «объединение» и, наконец, «иметь что-то общее». Следующее значение слова «социальное» – иметь долю в коммерческом предприятии. «Социальное» (social) в смысле «общественного договора» (social contract) – изобретение Руссо. «Социальное», фигурирующее

³ Я буду использовать выражение «общество или другие социальные агрегаты», чтобы охватить весь диапазон предлагаемых решений, касающихся того, что я ниже называю «первым источником неопределенности», и связанных с природой социальных групп. Я не имею здесь в виду именно «холистские» трактовки, поскольку, как мы увидим, «индивидуалистские» или «биологические» концепции точно так же обоснованы.

в словосочетаниях «социальные проблемы», «социальный вопрос», – новация, относящаяся к девятнадцатому веку. Похожие слова типа «социабильный» относятся к навыкам, позволяющим индивидам быть учтывыми в обществе. Как можно видеть по биографии этого слова, с течением времени его значение сужается. Начав с определения, распространяющегося на все виды связей, теперь мы в обыденном словоупотреблении ограничиваем значение этого слова тем, что осталось после того, как политика, биология, экономика, право, менеджмент, технология и т. п. забрали свои доли связей.

Из-за этого постоянного сужения значения слова (общественный договор, социальный вопрос, социальные работники) мы склонны ограничивать «социальное» человеческим миром и нововременными обществами, забывая о том, что сфера социального гораздо шире. Де Кандоль первым создал «наукометрию» – использование статистических методов для измерения научной деятельности и, как и его отец, занимался социологией растений [Кандоль, 1873/1987]. Он рассматривал кораллы, бабуинов, деревья, пчел, муравьев и китов как тоже «социальные существа». Такое расширенное понимание социального было признано социобиологией [Уилсон, 1975]. К сожалению, это начинание только утвердило социологов в их худших опасениях относительно расширения понимания социального. Однако вполне возможно сохранить это расширение, не придерживаясь слишком ограниченного определения действия, которое предлагается применительно к организмам в большинстве социобиологических обзоров.

Итак, общий проект того, что, как предполагается, мы делаем вместе, подвергается сомнению. Наступил кризис самого чувства принадлежности. Но для того, чтобы дать себе отчет в этом ощущении кризиса и следовать этим новым отношениям, необходимо выработать новое представление о социальном. Оно должно быть *гораздо шире*, чем то, что обычно именуют этим словом, но *строго ограниченным* прослеживанием новых связей и построением их сборок. Вот почему я намереваюсь определить социальное не как отдельную область или особый тип вещей, а лишь как очень своеобразный процесс переустройства связей и пересборки.

С этой точки зрения право, к примеру, не должно рассматриваться как то, что следует объяснять – в дополнение к его собственной логике – «социальной структурой»; напротив, его внутренняя логика может прояснить некоторые черты того, что заставляет ту или иную связь существовать дольше и распространяться шире. Что бы мы знали о помещении [судебного] дела в «более широкий контекст», если бы не способность правовых прецедентов устанавливать связь между частным случаем и общим правилом?⁴ Науку с ее объективностью не следует замещать ее «социальной рамкой», «очерченной социальными силами», поскольку ее объекты сами разрушают любой заданный контекст, когда в исследовательских лабораториях вступают в непредсказуемые связи чуждые друг другу элементы. Подвергнутые изоляции носители вируса атипичной пневмонии с огорчением узнают, что не могут больше в прежних формах «поддерживать связь» с родителями и партнерами из-за мутации микроскопического вируса, существование которого было открыто благодаря громадному институту эпидемиологии и вирусологии⁵. Религию не следует объяснять социальными силами, поскольку по самому своему определению, и более того, по самому своему названию она соединяет сущности, не

⁴ См.: Ewick P., Silbey S. S. The Common Place of Law and Silbey's contribution to Bruno Latour; и Weibel P. Making Things Public: Atmospheres of Democracy.

⁵ Хотя исследования научной практики дали главный импульс разработке этого альтернативного понимания социального, она будет рассматриваться позже, когда будет определена четвертая неопределенность.

являющиеся частью социального порядка. Со времен Антигоны каждому известно, что значит поступать по велению богов, несводимых к политикам, вроде Креонта. Организации не нужно помещать в «более широкий социальный контекст», поскольку они сами предоставляют очень практическое понимание того, что означает быть включенным в «более широкую» конъюнктуру. Наконец, какой пассажир в аэропорту знал бы, где проход на посадку, если бы постоянно озабоченно не бросал взгляд на номер, отпечатанный на посадочном талоне и обведенный красной рукой служащего авиакомпании? Может быть, нет смысла искать под поверхностной болтовней политиков действие «таинственных скрытых сил общества», поскольку без этих самых речей потерялась бы львиная доля того, что мы понимаем под выражением «быть частью группы». Без противоречащих друг другу версий воюющих сторон в Ираке кто в «оккупированном» или «освобожденном» Багдаде знал бы, как отличить друга от врага?

И это верно в отношении всех других областей⁶. В то время как в рамках первого подхода любые виды деятельности – право, наука, технология, религия, организация, политика, менеджмент и т. д. – могут быть соотнесены с одними и теми же социальными структурами, стоящими *за всеми ними*, и объяснены этими же структурами, согласно второй версии социологии за любым из этих видов деятельности нет *ничего*, порождает ли их взаимосвязь *общество* или не порождает. В этом основное расхождение между двумя версиями. «Быть социальным» уже не является безопасным и непроблематичным свойством. Это процесс, который может и не привести к вычерчиванию (*trace*) новой связи и к построению заново какой-либо *хорошо согласованной* сборки. Как мы постепенно выясним на протяжении этой книги, то, что принято называть «социальным объяснением», послужив с пользой ранее, стало контрпродуктивным способом *прерывать* образование связей вместо того, чтобы его возобновить снова.

Согласно второму подходу, сторонники первого просто перепутали то, что нужно объяснять, с самим объяснением. Они начинают с общества или иных социальных образований, в то время как ими нужно заканчивать. Они считают, что социальное целиком состоит из социальных отношений, тогда как ассоциации состоят из таких связей, которые сами по себе несоциальны. Они вообразили, что социология ограничивается конкретной областью, тогда как социологи должны проникать всюду, где бы ни создавались новые гетерогенные ассоциации. Они уверены, что социальное всегда к их услугам, тогда как социальное – не та вещь, которую можно видеть или постулировать. Оно видимо только по *следам*, которые оставляет (при испытаниях), когда возникает *новая* ассоциация между элементами, не являющимися никоим образом «социальными». Они утверждают, что нас уже удерживает вместе сила общества, тогда как наше политическое будущее кроется в решении задачи, что соединяет нас вместе. Короче говоря, второе направление претендует на *возобновление* работы по соединению и собиранию, которая была резко прервана первым. Именно для того, чтобы помочь заинтересованным исследователям в *пересборке* социального, и написана эта книга.

По ходу изложения мы научимся отличать стандартную социологию социального от ее более радикальной разновидности, которую я буду называть *критической социологией*⁷. Последняя определяется следующими тремя признаками: она не только *ограничивает себя* социальным, но и замещает изучаемый объект другой сущностью, образованной социальными отношениями; она утверждает, что подобное замещение непереносимо для социальных акторов, *вынужденных* жить в иллюзии, что существует нечто «другое», помимо социального; и,

⁶ Только в части второй мы увидим, как переформулировать эту оппозицию более тонким, чем инверсия причины и следствия, образом.

⁷ О различии между критической социологией и социологией критики см.: Boltanski L., Tevenot L. On Justification; Boltanski L., Tevenot L. The Sociology of Critical Capacity; и особенно: Boltanski L. L'amour et la justice comme compétences. Если я сочту необходимым установить определенную преемственность с социологией социального, мне придется вступить в более серьезную конфронтацию с критической социологией и ее «иллюзией иллюзии».

наконец, она полагает, что возражения акторов против социальных объяснений их (действий) являются лучшим *доказательством* того, что эти объяснения верны.

Для ясности я буду называть первый подход «социологией социального», а второй – «социологией ассоциаций» (*sociology of associations*) (мне хотелось бы иметь возможность использовать слово «ассоциология»). Я понимаю, что это очень несправедливо по отношению ко множеству нюансов социальных наук, которые я тем самым свалил в кучу. Но это допустимо для предисловия, где приходится быть очень точным в отношении выбранных для описания непривычных аргументов, в то время как можно ограничиться простым наброском хорошо знакомой территории. Меня можно простить за эту небрежность, – ведь есть много блестящих введений в «социологию социального», но, насколько мне известно, нет ни одного введения в это маленькое субполе социальной теории⁸, которое называется – кстати, как бы его назвать? Увы, но его историческое имя – «акторно-сетевая теория» (АСТ), – имя настолько неуклюжее, путаное и бессмысленное, что оно заслуживает того, чтобы его оставить. Если автор, к примеру, путеводителя волен давать новые комментарии по поводу страны, выбранной им для ознакомительного описания, то он, конечно же, не волен менять ее общепринятого названия, поскольку самый простой указатель и есть лучший. В конце концов, происхождение слова «Америка» является еще более несуслазным. Я уже был готов отбросить это название, сменив его на более продуманное, вроде «социологии перевода», «актанто-ризомной онтологии», «социологии инновации» и т. п., пока мне не подсказали, что акроним АСТ хорошо подходит для обозначения подслеповатого, близорукого, страдающего трудоголизмом, обнюхивающего следы коллективного странника. Муравей, пишущий для других муравьев, – это как нельзя лучше подходит для моего проекта!⁹ В идеале слово «социология» подошло бы лучше всего, но им нельзя пользоваться, пока обе его составные части – понятия «социальное» и «наука» – не будут как-то отремонтированы. В этой книге я буду пользоваться словом «социология» чем дальше, тем чаще, хотя и оставляя выражение «социология социального» для обозначения репертуара, которым чересчур охотно, по-моему, ограничиваются другие социологи.

Как ориентироваться в литературе под рубрикой «Акторно-сетевая теория»

Большую часть относящейся к теме библиографии можно найти на прекрасном сайте «the Actor Network Resource» Джона Ло¹⁰. Истоки этого подхода можно найти в потребности в новой социальной теории, соответствующей бы исследованиям науки и техники [Каллон, Латур, 1981]. Но начался он, собственно говоря, с трех работ [Латур, 1988b; Каллон, 1986; Ло, 1986b]. Именно там не-человеки – микробы, морские гребешки, камни и корабли – по-новому предстали перед социальной теорией. Как я объясню на с. 87, когда речь пойдет о четвертой неопределенности, впервые для меня объекты науки и технологии стали, так сказать, социально-совместимыми. Философское обоснование этой идеи было представлено во второй части [Латур, 1988a], хотя и в форме, делающей затруднительным его понимание.

⁸ Последнее по времени руководство представлено в: *Law J.* After Method: Mess in Social Science Research. *Barry A.* Political Machines. Governing a Technological Society; *Mol A.-M.* The Body Multiple: Ontology in Medical Practice (Science and Cultural Theory) также могут считаться хорошим введением – наряду с: *Latour B.* Aramis or the Love of Technology.

⁹ Я вынужден извиниться за то, что здесь занимаю позицию, полностью противоположную своей собственной позиции в статье: *Latour B.* On Recalling ANT. Хотя в то время я критиковал все элементы этого вселяющего ужас выражения, включая дефис, теперь я буду отстаивать их все, включая дефис!

¹⁰ См.: <http://www.lancs.ac.uk/FSS/sociology/css/antres/antres.htm>

С тех пор АСТ развивалась во многих направлениях, анализировалась и критиковалась во множестве статей, указанных на сайте Ло. И хотя не существует четкого теста на принадлежность к АСТ, несколько таких тестов – *ad hoc* и на скорую руку – можно придумать. Нечего и говорить о том, что такая интерпретация АСТ отражает только мое видение. Эта книга претендует не на более общее представление, а лишь на более систематическое. Вот некоторые из тестов, которые я нахожу наиболее полезными.

Один из них – конкретная роль, отводимая не-человекам. Они должны быть актерами (см. определение на с. 64), а не просто жалкими носителями символической проекции. Но эта активность не должна быть силой того типа, который до сих пор ассоциируется с фактами или природными объектами. Так что если какое-нибудь исследование базируется либо на символическом, либо на природном типе причинности, нет оснований включать его в АСТ, даже если оно на это претендует. И наоборот, любое исследование, приписывающее не-человекам более открытый тип силы, нежели традиционная природная каузальность, и более действенный, чем символическая, может относиться к АСТ даже несмотря на то, что некоторым исследователям не хотелось бы каким-либо образом ассоциироваться с этим подходом. Например, одна биологическая работа [Купек, Сониг, 2000] могла бы принадлежать к АСТ потому, что в ней приписывается новая активная роль гену.

Другой тест заключается в том, чтобы выяснить направленность объяснения. Совпадает ли в итоге перечень того, что включается в сферу социального, все с тем же ограниченным набором, используемым для объяснения большинства элементов? Если социальное остается стабильным и используется для объяснения положения дел, – это не АСТ. К примеру, не имеет значения, насколько поучительной для всех нас оказалась работа «Социальное формирование технологии» [Бейкер, 1995], но она не входит в корпус АСТ, поскольку в ней социальное остается неизменным на протяжении всего исследования и им объясняется форма технологического прогресса. Но работа Мак-Нила (1976), хотя это никоим образом не автор из категории АСТ, заслуживала бы включения, поскольку у него изменяется список того, что вступает в ассоциации: в описание того, что должно быть «собрано» в империю, включены крысы, вирусы и микробы. В этом смысле работа Кронона (1991) – определенно шедевр АСТ, так как в ней для объяснения поступательной организации пространства столицы не привлекается никакая скрытая социальная сила. То же самое верно и в отношении работы по распределенному знанию [Хатчинс, 1995]. Поэтому большая часть истории науки и техники обладает значимостью для нашей программы, а социология искусства является нашим постоянным союзником, в особенности благодаря влиянию Хенниона (1993).

Третий и еще более сложный тест мог бы заключаться в выяснении того, направлено ли исследование на пересборку социального или по-прежнему настаивает на его рассеивании и деконструкции. АСТ ошибочно отождествляют с постмодернистской критикой «Великих нарративов» и «евроцентристской» или «гегемонистской» установки. Однако это большое заблуждение. Дисперсия, деструкция и деконструкция – не цели для достижения, а то, что нужно преодолеть. Гораздо важнее выяснить, какие новые институты, процедуры и концепты могут собрать и пересобрать социальное [Каллон и др., 2001; Латур, 2004b].

Действительно, в большинстве случаев обращение к «социологии социального» не только обосновано, но и необходимо, поскольку она предлагает удобное условное обозначение всех компонентов, уже *принятых* в коллективном пространстве. Было бы глупым педантизмом воздерживаться от употребления понятий типа «IBM», «Франция», «культура маори», «восходящая мобильность», «тоталитаризм», «социализация», «нижний слой среднего класса», «политический контекст», «социальный капитал», «сокращение штатов», «социальное конструирование», «индивидуальный агент», «бессознательные побуждения», «групповое давление» и т. д. Но в ситуациях, когда во множестве возникают инновации, границы между группами становятся неопределенными, а ряд сущностей, которые необходимо принять в расчет, неустойчив, «социологии социального» уже не под силу проследить новые ассоциации акторов. И здесь последним делом было бы заранее ограничить форму, размеры, гетерогенность и сочетаемость связей. Приходится заменять удобные сокращения социального сложным и затратным полномасштабным исследованием ассоциаций. Соответственно изменяются и задачи социологов: уже недостаточно ограничивать акторов всего лишь ролью информантов, предоставляющих примеры хорошо известных типов. Следует вернуть акторам способность строить свои собственные теории о том, из чего сделано социальное. Ваша задача уже не в том, чтобы навязать тот или иной порядок, ограничить ряд допустимых сущностей, объяснить акторам, кто они такие, или внести долю рефлексивности в их слепые действия. Говоря словами лозунга АСТ, вы должны «идти за самими акторами», то есть пытаться понять их зачатую сумасбродные нововведения, чтобы из них узнать, чем становится в руках акторов коллективное существование, какими способами они делают его общеприемлемым, какие теории могли бы лучше всего описать те новые ассоциации, которые им приходится устанавливать. И если «социология социального» прекрасно справляется с тем, что уже *было собрано*, ей далеко не так хорошо удается объединять по-новому участников в то, что не является – *еще не стало* – социальным.

Более радикальная модель соотношения обоих направлений – это заимствованная из истории физики несколько искусственная параллель, в соответствии с которой можно сказать, что «социология социального» остается «дорелятивистской», тогда как наша социология – всецело релятивистская. В большинстве обычных случаев, к примеру, в ситуациях, когда изменения происходят медленно, дорелятивистская парадигма вполне приемлема, и любая фиксированная система координат способна регистрировать действие без значительных деформаций. Но как только процесс ускоряется, нововведения разрастаются, а сущности множатся, абсолютистская система взглядов оказывается безнадежно провальной. Именно тогда и следует разрабатывать релятивистский подход, чтобы быть способным перемещаться между системами координат и устанавливать определенную соизмеримость между следами, оставленными системами, движущимися с очень разной скоростью и ускорением. Поскольку теория относительно-сти является общеизвестным примером масштабной перестройки нашего мыслительного аппарата, вызванной потребностью ответа на фундаментальные вопросы, ее можно использовать как удачную аналогию для иллюстрации способов, с помощью которых «социология ассоциаций» изменяет и обобщает «социологию социального».

В дальнейшем для меня важны не опровержения – доказательства того, что другие социальные теории ложны, – а предложения. Как далеко можно продвинуться, исключив общепринятую гипотезу, что существование социальной сферы дает социальным наукам легитимную систему координат?¹¹ Если физики начала прошлого века оказались в состоянии отвергнуть

¹¹ Если моя оценка «социологии социального» выглядит слишком резкой, и если я на самом деле несносен в отношении критической социологии, то это до поры до времени. В свое время мы научимся находить то, что есть верного в их первоначальных интуициях. Если ключевое понятие стандартов (часть вторая, с. 308) дает нам возможность воздать должное «социологии социального», то критической социологии, я боюсь, придется подождать до Заключения, когда мы примемся за проблему политической значимости.

общепринятую теорию абсолютно неподвижного и бесконечно пластичного эфира, смогут ли социологи открыть новые возможности движения, отбросив идею социальной субстанции как «ненужную гипотезу»? Это настолько маргинальная позиция, и у нее так мало шансов на успех, что я не вижу никаких оснований быть беспристрастным и щепетильным по отношению к совершенно разумным альтернативам, которые вполне могли бы разбить ее вдребезги. Так что я буду настойчивым, а зачастую пристрастным, чтобы ясно выявить контраст между этими двумя позициями. Зато в обмен на такую несправедливость я постараюсь быть по возможности последовательным и дойти до самых крайних выводов из той позиции, которую выбрал для эксперимента. Мое испытание заключается в том, чтобы посмотреть, сколько новых проблем может быть извлечено на свет, если неуклонно, даже слепо, следовать всем обязательствам, к выполнению которых вынуждает нас эта новая отправная точка. Окончательная же проверка состоит в том, чтобы к концу книги выяснить, в состоянии ли социология ассоциаций принять эстафету у социологии социального, прослеживая различные типы новых и более активных связей, и сможет ли она унаследовать все, что было легитимного в притязаниях науки о социальном. Как всегда, о результатах – была ли проверка пройдена успешно или нет – судить читателю.

Для любителей возводить научную дисциплину к какому-нибудь почитаемому основоположнику стоит подчеркнуть, что подобное различие между двумя разными пониманиями обязательств социальной науки вовсе не ново. Оно присутствовало уже в самом начале существования этой дисциплины (по крайней мере, во Франции) в давней дискуссии между старшим по возрасту Габриэлем Тардом и Эмилем Дюркгеймом, оказавшимся победителем¹². Тард всегда сокрушался, что Дюркгейм отказывается от задачи объяснения общества, смешивая причину и следствие и подменяя изучение социальной связи политическим проектом, направленным на социальную инженерию. В противоположность своему младшему оппоненту он настойчиво утверждал, что социальное – это не особая область реальности, а принцип соединения; что нет оснований выделять «социальное» среди других ассоциаций, таких как биологические организмы или даже атомы; что становление социальной науки вовсе не требует разрыва с философией, в особенности с метафизикой; что на самом деле социология – что-то вроде психологии взаимодействия¹³; что изучение инноваций, особенно науки и техники, является областью роста социальной теории; что экономика должна быть преобразована сверху донизу, а не использоваться как туманная метафора, описывающая расчет интересов. Но, прежде всего, он рассматривал социальное как циркулирующий поток, изучать который надо новыми методами, а не как специфический тип организма. Нам нет необходимости принимать все характерные особенности Тарда, а их много, но в галерее портретов выдающихся предшественников он – наряду с Гарольдом Гарфинкелем – один из очень немногих считавших, что социология может быть наукой, объясняющей, на чем держится общество, и не использовавших его как средство для объяснения чего-то другого или как подспорье для решения политических проблем эпохи. То, что Тард потерпел полное поражение от «социологов социального» – до такой степени, что на целое столетие оказался вытесненным в призрачное существование, – не доказывает, что он неправ. Напротив, это делает нашу книгу даже более необходимой. Я убежден, что если бы социология больше унаследовала от Тарда (не говоря уже о Конте, Спенсере, Дюркгейме и Вебере), она бы могла быть даже более значимой дисциплиной. И до сих пор – как мы увидим к концу книги – у нее есть для этого ресурсы. Обе традиции легко можно примирить: вторая из них – просто возвращение к задаче, которую первая слишком быстро посчитала решенной.

¹² Единственное обширное введение в социологию Тарда на английском языке: *Tarde G., Clark T. C. On Communication and Social Influence*. Ее более поздние представления см. в: *Latour B. Gabriel Tarde and the End of the Social*. В Интернете можно найти более старый перевод: *Tarde G. Social Laws: An Outline of Sociology*.

¹³ В противоположность *интрапсихологии*, о которой он почти ничего не говорит (см.: *Tarde G. Monadologie et sociologie*).

Факторы, в прошлом объединенные под рубрикой «социальная сфера», – это всего лишь элементы, которые в будущем предстоит собрать в то, что я назову не обществом, а *коллективом*.

Габриэль Тард – альтернативный предшественник альтернативной социологии

Габриэль Тард (1843–1904) был судьей, а затем криминалистом-самоучкой, стал предшественником Бергсона в Коллеж де Франс. Несколько цитат дадут нам представление о сильном контрасте между двумя линиями мысли. Вот тардовское определение общества:

Но это значит, что каждая вещь – общество и все вещи – общества. И примечательно, что наука благодаря логической последовательности своих первых шагов стремится странным образом обобщить понятие общества. Она ведет речь о сообществах клеток, а почему не атомов? Не говоря уже о сообществах звезд, солнечных систем. Похоже, что все науки обречены стать ветвями социологии [Tarde, 1999, p. 58].

Что самое интересное, Тард много лет был главой статистического института и всегда доверял и монографиям, и статистическим данным, но не соглашался с Дюркгеймом по поводу типа *количественной* социологии, которого надо придерживаться.

Обобщая учение Лейбница о монадах, но без Бога, проекты Тарда переворачивают отношение между «микро» и «макро»:

Во множестве форм, хотя и в уменьшенном масштабе, всегда проявляется одна и та же ошибка: ложная уверенность в том, что увидеть постепенное нарастание регулярности, порядка и логики в социальных феноменах мы можем только при условии, что уйдем прочь от деталей, которые по сути своей иррегулярны, и поднимемся достаточно высоко, чтобы достигнуть панорамного обзора, предоставляющего общее впечатление; что источник и основание всякой социальной координации – это некий общий факт, от которого она постепенно нисходит к частным фактам, хотя всегда теряя в силе; короче говоря, что действует человек, но управляет им закон эволюции. Я придерживаюсь в известном смысле противоположного [Tarde, 1899/2000, p. 75].

Это объясняет его резкое противостояние Дюркгейму, бывшему на поколение младше Тарда:

Эта концепция – почти полная противоположность представлениям однолинейных эволюционистов и г-на Дюркгейма. Вместо того чтобы все объяснять предполагаемым верховенством закона эволюции, заставляющего коллективные феномены бесконечно воспроизводиться и повторяться в определенном порядке, вместо того чтобы объяснять меньшие факты через большие, а часть через целое, я объясняю общие сходства, присущие целому, сосредоточением вместе мельчайших элементарных актов. Я объясняю большее через меньшее, а целое – через часть. Этот способ рассмотрения явлений предназначен для того, чтобы произвести в социологии переворот, аналогичный тому, который в математике произвело введение исчисления бесконечно малых [Tarde, 1899/2000, p. 35].

Причина того, почему Тард может считаться ранним предшественником АСТ, в том, что для него лучший пример социальной связи всегда является история и социология науки:

Что касается структуры науки – вероятно, самого впечатляющего из человеческих предприятий, – то здесь невозможны вопросы. Она строилась в полном свете истории, и мы можем проследить ее развитие почти с самого начала и до наших дней... Всё здесь берет начало в единичном, не только материалы, но и общий план целого, и наброски деталей. Всё, включая и то, чем теперь прониклись все образованные умы и чему учат даже в начальной школе, начиналось как тайна некоего единственного ума. Из него маленький огонек, слабый и мерцающий, испускал свои лучи – сначала лишь в узких пределах, – и даже встречая множество препятствий, он становился все ярче по мере своего распространения, пока, наконец, не превращался в ослепительный свет. Тогда, если кажется вполне очевидным, что наука строилась именно так, не менее верно и то, что создание любой догмы, правового кодекса, формы правления или экономического режима шло тем же путем; и если и возможно какое-то сомнение в отношении языка и этики, поскольку темнота происхождения и медленность изменения скрывают их от наблюдения на протяжении большего времени их существования, то разве не высока вероятность того, что их эволюция шла тем же путем? [Tarde, 1899/2000, p. 84–85].

Сущности, с которыми имеет дело Тард, – не люди, а новшества, кванты изменений, живущие своей собственной жизнью:

Вот почему всякий социальный продукт, обладая четкими характеристиками, – будь то промышленное изделие, стихи, формула, политическая идея, возникающая в какой-то момент где-то в углу мозга, мечты Александра Македонского о завоевании мира, – стремится умножить себя в тысячах и миллионах копий всюду, где есть человеческие существа, и никогда не остановится, разве что если его поставит под сомнение какой-нибудь конкурирующий продукт, столь же амбициозный, как и он сам [Tarde, 1895/1999, p. 96].

С точки зрения АСТ полезнее всего то, что Тард не заставляет социальную науку рвать с философией или даже с метафизикой:

Существовать – значит отличаться; различие в определенном смысле является сущностным аспектом вещей, – то, что в них наиболее общего и что делает их наиболее отличными друг от друга. Нужно исходить из различия и воздерживаться от попыток его объяснить, особенно беря за отправной пункт тождество, как ошибочно поступают столь многие. Ибо тождество – это минимум различия и, следовательно, его вид (и при этом весьма редкий), подобно тому как покой есть вид движения, а окружность – вид эллипса. Исходить из первоначального тождества – это значит полагать в истоке некую удивительную и малоправдоподобную сингулярность, или иначе, темную тайну единственного простого сущего, впоследствии разделившегося без особых на то причин [Tarde, 1895/1999, p. 73].

Эта книга о том, как применить АСТ к пересборке социальных связей. Она разделена на три части в соответствии с тремя обязательствами, соединенными «социологией социального» воедино по причинам, которые уже не могут служить оправданием:

Как *развернуть* все множество разногласий по поводу ассоциаций, не сводя заранее социальное к особой области?

Как сделать полностью прослеживаемыми средства, позволяющие акторам *стабилизировать* эти разногласия?

Посредством каких *процедур* можно осуществить пересборку социального не как общества, а как коллектива?

В первой части я покажу, почему мы не должны заранее ограничивать категорию существ, населяющих социальный мир. Социальные науки стали слишком робкими в развертывании очевидной сложности ассоциаций, с которыми они сталкиваются¹⁴. Я покажу, что можно, так сказать, кормиться разногласиями, и научу, как стать хорошим релятивистом. Это необходимая подготовка перед рискованной высадкой на новую территорию. Во второй части я продемонстрирую, как можно сделать прослеживаемыми социальные связи, описывая уже сделанную работу по стабилизации разногласий, выявленных в первой части. Заимствуя метафору из картографии, я мог бы сказать, что АСТ пытается изобразить социальный мир *плоским*, чтобы сделать отчетливо видимым установление всякой новой связи. Наконец, в заключение я покажу, почему задача сборки коллектива стоит того, чтобы ею заниматься, но только после того, как мы откажемся от ярлыков «общество» и «социальное объяснение». Если верно, что понимание общества, предложенное «социологами социального», было, прежде всего, способом обеспечить гражданское согласие в эпоху модернизации¹⁵, то какого рода коллективную жизнь и какого рода знание должны собирать «социологи ассоциаций», когда модернизация поставлена под сомнение, а задача поиска способов коллективного существования стоит острее, чем когда-либо?

Эта книга чем-то похожа на путеводитель по местности, одновременно и совершенно банальной – это всего лишь социальный мир, к которому мы привыкли, – и абсолютно экзотической: нам надо научиться останавливаться на каждом шагу. Если порядочные ученые не находят достойным сравнение введения в науку с путеводителем, пусть будут любезны вспомнить, что «куда пойти» и «какие достопримечательности тут надо посмотреть» – это всего лишь способ высказать на простом языке то, что обычно называют помпезным греческим словом «метод» или, еще хуже, «методология». Преимущество путеводителя перед «методологическим дискурсом» в том, что первый нельзя спутать с территорией, которую он всего лишь описывает. Путеводителем можно пользоваться, а можно его забыть, положить в багажник, заляпать жиром и кофе, весь исчеркать, вырвать из него страницы, чтобы развести огонь под барбекю. Короче говоря, путеводитель предлагает, а не навязывает себя читателю. Это не книга на кофейном столике, предлагающая глянец пейзажи глазам приезжего, слишком ленивого, чтобы путешествовать. Она предназначена практикам как пособие, которое поможет им найти нужные ориентиры, *раз уж* они забрели на эту территорию. Для всех прочих, боюсь, она останется совершенно непонятной, ибо социальные связи, которые нужно прослеживать, никогда не будут похожи на те, прослеживать которые их научили.

¹⁴ В этой книге я оставляю в стороне проблему количественной социологии – не потому, что больше доверяю качественным данным, а потому, что само определение, какое количество принимать в расчет, поставлена на карту в различных определениях того социального направления, которому я здесь намереваюсь следовать.

¹⁵ Первое употребление слов «социология» и «социальные науки» мы встречаем в известном памфлете «Что такое третье сословие?» Эммануэля Жозефа Сийеса (1748–1836), где они используются для обозначения объединения всех «камеральных наук» в искусстве управления; см.: Audren F. Les juristes et les sociologues.

Часть первая

Как развернуть разногласия по поводу социального мира

I. Введение в первую часть: учимся кормиться разногласиями

Как и все науки, социология начинается с удивления. Смятение может выражаться по-разному, но парадоксальное присутствие чего-то невидимого и в то же время осязаемого, само собой разумеющегося и поразительного, повседневного и обескураживающе неуловимого всегда вызывает страстное стремление укротить дикую бестию социального. «Мы живем в группах, которые выглядят прочно устоявшимися, но почему они так быстро изменяются?» «Нас заставляют действовать другие, не контролируемые нами силы, вроде бы очевидные и вполне посясторонние». «На нас всех давит что-то невидимое, — оно крепче стали и при этом невероятно пластично». «Существуют силы, до странности похожие на те, что изучают ученые-естественники, и при этом совершенно другие». «Эта загадочная смесь упрямого сопротивления и извращенной сложности кажется широко открытой для исследования, и все же бросает вызов любому исследованию». Трудно найти социолога, которого не потрясли бы одно или несколько из этих приводящих в замешательство высказываний. Разве эти головоломки — не источник нашего *libido sciendi*? Что заставляет нас вкладывать столько энергии в попытки их разгадать?

Однако имеется нарастающая дистанция между тем, что вызывает эти следующие друг за другом потрясения, и решениями, разработанными для их объяснения. В этой части работы я собираюсь показать, что, несмотря на правильность исходных интуиций социологии, решения, вытекающие из урезанного понимания социального, так или иначе ухудшают то, что было в них научного и продуктивного. Вот почему я хочу заново рассмотреть каждый из этого ряда вопросов и подвергнуть их анализу, чтобы мы могли обновить свои представления о том, что такое ассоциация.

Верный релятивистским принципам, я вместо того, чтобы делить социальную сферу, — как это обычно делается в большинстве учебников социологии, превращая ее в перечень акторов, методов и областей, *уже изначально* рассматривающихся как элементы социального мира, построил первую часть этой книги как типологию разногласий по поводу того, из *чего* состоит этот мир. Я полагаю, что можно опереться на базовые интуиции социальных наук, выделив пять главных неопределенностей:¹⁶

- природы групп: у акторов есть много противоречащих друг другу способов обрести идентичность;
- природы действий: как представляется, в ход любого действия вторгается множество различных агентов, изменяющих его первоначальные цели;
- природы объектов: по-видимому, категория агентов, участвующих во взаимодействии, должна оставаться открытой;
- природы фактов: отношения естественных наук с остальным обществом порождают непрекращающиеся дискуссии;

¹⁶ Я выбрал слово «неопределенности» — слабая аллюзия на «принцип неопределенности», потому что все еще невозможно понять, укоренена ли неопределенность в наблюдателе или же в самом наблюдаемом феномене. Как мы увидим, дело вовсе не в том, что исследователь знает то, чего не знают акторы, или что акторы знают то, что неведомо наблюдателю. Именно поэтому социальное нуждается в пересборке.

• и, наконец, неопределенность типа исследований, осуществляемых под названием науки о социальном, поскольку никогда не ясно, в каком именно смысле социальные науки можно называть эмпирическими.

Столь невероятной АСТ сделало то, что прежде, чем куда-нибудь двинуться, приходится громоздить эти пять неопределенностей друг на друга (при этом каждая следующая делает предыдущую еще загадочнее), пока не будет восстановлен здравый смысл – но только в конце. Большинству потребителей АСТ до сих пор не хватало терпения ждать, и я не могу упрекать их за это¹⁷.

Читатель обнаружит здесь ряд замысловатых инструкций, делающих перемещение еще более дорогостоящим и затруднительным. Причина этого в том, что я хочу сломать привычку связывать понятия «общество», «социальный фактор» и «социальное объяснение» с внезапным *ускорением* описания. Произнося слова «общество», «власть», «структура» и «контекст», социологи социального обычно мчатся напролом, соединяя большие массивы жизни и истории, мобилизуя гигантские мощности, вскрывая фундаментальные структуры, проявляющиеся из запутанных взаимодействий, видя повсюду в современных ситуациях новые примеры хорошо известных типов, обнаруживая за сценой тайные силы, дергающие за ниточки. Не то чтобы они были неправы, – прежние социальные отношения на самом деле «упакованы» так, что, казалось бы, обеспечивают готовое объяснение многих загадочных предметов. Но пришло время гораздо ближе присмотреться к типу собранных таким образом структур и к тому, как именно они соединяются друг с другом.

Если вам захочется найти новых неожиданных акторов, появившихся совсем недавно и еще не ставших членами «общества» *bona fide*, то придется отправиться в путешествие, и с совсем другим снаряжением. Как мы увидим, разница между двумя употреблением слова «социальный» так же велика, как между уроками вождения по уже существующей дороге и движением первопроходца по ухабистой местности, где дорога проектируется вопреки желанию многочисленных местных сообществ¹⁸. Неудивительно, что АСТ предпочитает двигаться медленно, по узким тропкам, пешком, оплачивая издержки каждого перемещения из своего собственного кармана.

Причина такой смены темпа в том, что вместо того, чтобы заранее занять благоразумную позицию и установить какой-то порядок, АСТ заявляет, что способна найти гораздо лучший порядок, – *но после* того, как даст акторам развернуть весь диапазон разногласий, в которые они погружены. Мы как бы говорим акторам: «Мы не будем вас поучать, заставляя соответствовать нашим категориям; мы дадим вам раскрыть ваши собственные миры и только потом попросим вас объяснить, как вы пришли к их созданию». Задача понимания и упорядочения социального должна быть оставлена самим актором, а не взята на себя аналитиком. Вот почему для того, чтобы снова обрести смысл порядка, лучший способ – проследить связи *между* самими разногласиями, а не пытаться придумать, как урегулировать каждое конкретное разногласие¹⁹. Поиск порядка, строгости и структуры ни в коем случае не отменяется. Он

¹⁷ Для читателей, интересующихся преимущественно исследованиями науки, возможно, лучше прочесть сначала главу IV, а затем поглощать остальные источники неопределенности один за другим. Для тех, кто лучше знаком с АСТ, может быть, легче будет начать с интерлюдии.

¹⁸ Один читатель, задавая вопрос, в каком смысле наша теория социального может быть согласована с «конвенциональной социологией», в качестве возражения указал тот способ, которым больные СПИДом мобилизовались в качестве группы. Глядя на традиционные «социальные движения», он считал очевидным, что организации пациентов соответствуют «конвенциональным» трактовкам социального, потому что совершенно забыл о том, до какой степени инновационным для пациентов было делать политику из ретровирусов. Для нас же движение ВИЧ-инфицированных, и вообще организации пациентов, всего лишь тип инновации, требующий совершенно нового понимания социального. См.: *Epstein S. Impure Science. Aids, Activism and the Politics of Knowledge; Callon M., Rabearisoa V. Le pouvoir des malades; Dodier N.* Это показывает, как быстро люди забывают новые связи и включают их в свое «конвенциональное» определение общества.

¹⁹ Ярким примером продуктивности этого подхода является работа: *Boltanski L., Thévenot L. On Justification (Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. –*

просто сдвигается на шаг дальше к абстракции, так что акторы получают возможность разворачивать свои собственные различные миры, и неважно, насколько контринтуитивными они являются²⁰. Именно более высокий уровень абстракции в социальной теории и делает АСТ поначалу трудной для восприятия. Однако этот сдвиг сопоставим с тем, что делает картограф, пытаясь изобразить очертания никогда не виденного берега на листе бумаги. Он мог бы стараться подогнать разные отчеты, присланные исследователями, к существующим геометрическим формам: заливы стали бы окружностями, мысы – треугольниками, континенты – квадратами. Но, заметив безнадежную путаницу, создаваемую отчетами, ни один из которых не соответствует предзаданным геометрическим формам, он с радостью согласится заменить поиски геометрической точности совершенно абстрактной декартовой системой координат. Далее, пользуясь этой пустой сеткой, он начнет терпеливо прорисовывать береговую линию, позволив ей стать такой же извилистой, какой ее сделала геологическая история. Возможно, покажется глупым фиксировать каждую фигурирующую в отчетах точку просто в координатах долготы и широты, но еще глупее настаивать, что надо придерживаться только данных, вписывающихся в предзаданную геометрическую форму. Аналогично и АСТ утверждает, что можно проследить более прочные отношения и выявить более интересные структуры, найдя способ регистрировать связи между нестабильными и подвижными системами координат, а не пытаться сохранить стабильность одной-единственной системы. Общество состоит из «индивидов», «культур», «национальных государств» так же «приблизительно», как Африка «приблизительно» представляет собой окружность, Франция – шестигранник, а Корнуэлл – треугольник. Тут нет ничего удивительного, поскольку всякая научная дисциплина – это медленная тренировка в выработке здорового релятивизма, применимого к имеющимся данным. Почему только социологии запрещено искать собственный путь и предписано ограничивать себя очевидным? Теперь, когда геологи согласились с представлением о холодных и твердых континентальных плитах, свободно дрейфующих над горячим расплавленным морским дном, сочащемся из глубоких океанских разломов, не встали ли они, так сказать, на «более твердую почву»? Так же и АСТ утверждает, что мы найдем гораздо более научный способ построения социального мира, если не будем сдерживать поток разногласий. Нам тоже надо найти для себя твердую почву – на зыбких песках. Вопреки расхожим суждениям, релятивизм – это способ держаться на поверхности данных, а не тонуть в них.

Метафоры, почерпнутые из картографии или физики, однако, быстро меркнут, когда начинает разворачиваться ряд неопределенностей, предполагаемых социологами ассоциаций. В экстремальных случаях акторы обнаруживают необъяснимую способность опровергать все допущения, которые необходимо принять социологам, чтобы начать работу. Отказ физиков от фиксированной системы координат, предоставляемой эфиром, ретроспективно выглядит проще, чем расставание с тем, от чего придется отказаться нам, если мы хотим предоставить актерам свободу развернуть во всей полноте несоизмеримость их собственной активности по созданию миров²¹. Будьте готовы выкинуть за борт практику, структуру, душу, время и про-

Примеч. ред.). В ней авторы показали, что можно найти гораздо более устойчивый порядок, если допустить, что рядовые французы, будучи вовлеченные в полемику об оправдании своих позиций, могут опираться не на один, а на шесть полноценных принципов оправдания (градов или порядков ценности: рыночный, индустриальный, гражданский, национальный, вдохновенный, мнение), к которым авторы позже добавили возможное экологическое оправдание. См.: *Lafaye C., Tévenot L. Une justification écologique? Conflits dans l'aménagement de la nature.* Хотя эти принципы несоизмеримы, социологи, сделав один шаг в сторону абстракции, могли бы тем не менее сделать их соизмеримыми. Именно этому замечательному примеру, обнаруживающему силу релятивности, я здесь и пытаюсь следовать.

²⁰ Только во второй части мы займемся другой проблемой – проблемой стабилизации разногласий. По причинам, которые станут понятны лишь позже, «социологи социального» не смогли не смешивать эти два шага.

²¹ «Создание миров» было бы хорошим выражением, см.: *Goodman N. Ways of World Making (Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. – Примеч. ред.),* если бы не сопровождающая его концепция «создания» и не определение «мира» как единственного. Поэтому оно используется как временный местоблюститель, пока мы не переопределим конструктивизм (с. 88) и (гораздо позже) не поймем, что значит построить «единый общий мир».

странство вместе со всеми остальными философскими и антропологическими категориями, и не имеет значения, насколько глубоко укорененными в здравом смысле они кажутся.

Пользуясь нашим примером с картографом, представьте, что ему пришлось бы иметь дело не только с множеством отчетов, приходящих от многочисленных путешественников, но еще и с множеством проекционных сеток, в которых каждая точка требует свои собственные *ad hoc* координаты. Столкнувшись с такой неразберихой, кто-то решит ограничить объем разногласий, а кто-то – выпустить на волю их все. Первое решение – до-релятивистское – работает прекрасно, но чревато риском ограничить социологию рутинными, холодными и спокойными ситуациями. Второе решение – релятивистское – позволит включить активные теплые и предельные ситуации, но тогда придется всю дорогу поддерживать разногласия развернутыми. Абсурднее всего было бы искать компромисс между обеими позициями, так как разногласия – это не просто досадная мелочь, которую можно обойти, а именно то, что дает возможность установить социальный порядок и позволяет различным социальным наукам участвовать в его строительстве. Многие затруднения в развитии этих дисциплин возникли из-за нежелания быть в достаточной мере теоретическими и ошибочных попыток цепляться за обыденный рассудок вкупе с неуместным стремлением к политической значимости. Такова крайняя позиция, которую я хочу опробовать, и я буду придерживаться ее настолько долго, насколько это возможно. Препятствие в том, что на протяжении путешествия читателям придется сидеть на странной диете: они должны питаться разногласиями по поводу того, из чего состоит социальное.

Путешествие с АСТ, боюсь сказать, окажется мучительно медленным. Движение будут постоянно останавливать, препятствовать ему, прерывать и уводить в сторону пять типов неопределенностей. В мире, по которому АСТ собирается путешествовать, никакое перемещение не возможно без дорогостоящих и сложных переводов (*translations*). «Социологи социального» летают как ангелы, перенося власть и связи почти нематериально, а АСТ-исследователю приходится тащиться, как муравью, нагруженному тяжелой поклажей, чтобы установить хотя бы крошечную связь. К концу этой книги мы попытаемся подытожить, что отличает хорошую работу в критериях АСТ от плохой – решающий тест на качество, – задав три вопроса: все ли трудности путешествия были осознаны? Полностью ли оплачена цена путешествия от одной связи до другой? Не схитрил ли путешественник, тайком протащив уже существующий «социальный порядок»? Впрочем, мой совет: взять с собой как можно меньше вещей, не забыть купить билет и быть готовым к проволочкам.

II. Первый источник неопределенности: групп нет – есть только группообразования

С чего начать? Как всегда, лучше всего начинать в гуще вещей, *in medias res*. Не начать ли с чтения газеты? Что ж, эта отправная точка не хуже любой другой. Как только вы разворачиваете газету, на вас обрушивается дождь, потоп, эпидемия, нашествие вредителей. Каждые две строчки – оставленный каким-нибудь автором след создания или распада какой-нибудь группы. Вот руководитель крупной компании сокрушается о том, что и через пять лет после слияния подразделения фирмы все еще не полностью интегрировались. Он задается вопросом, как «продвинуть общую корпоративную культуру». Несколькими строчками ниже антрополог объясняет, что никакого «этнического» различия между хуту и тутси в Руанде нет, а есть на самом деле «классовая дифференциация», «инструментализированная» колониалистами и затем «натурализованная» как «культурная». В разделе писем какой-то шотландец напоминает читателям о «славном союзе» между Францией и Марией, королевой Шотландии, поэтому шотландцам не стоит разделять яростную европофобию англичан. Корреспондент из Франции пытается объяснить, почему девушки второго поколения выходцев из Алжира, надевая в школу хиджаб, воспринимаются учителями как «фанатички», «сами себя исключают» из Французской республики. В разделе «Европа» объясняется, что чиновники Евросоюза все больше и больше мыслят «как европейцы» и уже «не лояльны по отношению к своим национальным государствам». В музыкальном разделе – ожесточенная дискуссия: ансамбли, исполняющие музыку в стиле барокко, конфликтуют из-за частоты камертонов, обвиняя друг друга в «модернизме», «неуважении к традиции», «академичности». В компьютерном разделе автор высмеивает приверженность пользователей компьютеров модели «Макинтош» своим крайне маргинальным машинам и предлагает «культурную интерпретацию» того, что именует формой «технофанатизма». Еще ниже автор редакционной статьи предсказывает, что Ирак, несмотря на его относительно недавние границы, будет существовать как национальное государство и не расколется по старым разделительным линиям религиозных и исторических «зон влияния». Другая колонка бросает противникам войны в Ираке обвинение в «антиамериканизме». И так без конца.

Отнесение себя к той или иной группе – это постоянно идущий процесс, состоящий из неопределенных, хрупких, противоречивых и постоянно меняющихся связей. Не странно ли это? Если просто следовать подсказкам газет, основная интуиция социологии должна заключаться в том, что акторов ежеминутно *побуждают включаться* в группу, и зачастую более чем в одну. И *еще*: когда читаешь теоретиков социологии, создается впечатление, что главный, решающий и самый животрепещущий вопрос заключается в том, с какой группы *предпочтительнее* начать социологическое исследование. Должны ли мы считать социальные агрегаты состоящими из «индивидов» или из «организаций», «классов», «ролей», «жизненных траекторий», «дискурсивных полей», «эгоистичных генов», «жизненных форм», «социальных сетей»? Кажется, что социологи никогда не устают одно объявлять реальным, прочным, доказанным и укоренившимся, а другое критиковать как искусственное, воображаемое, преходящее, иллюзорное, абстрактное, обезличенное и бессмысленное. Сосредоточиться на микроуровневых взаимодействиях или обратиться к макроуровню как более важному? Не правильнее ли считать главными компонентами нашей коллективной жизни рынки, организации или сети?

Хотя самый обыденный опыт существования в социальном мире состоит в том, что нас одновременно настигают сразу несколько возможных и противоречащих друг другу призывов объединиться в группы, кажется, что перед тем, как стать социологом, главное – первым делом решить, из каких компонентов состоит общество. Хотя совершенно ясно, что нас *вписывают* в группу посредством целого ряда вмешательств, из которых видно, кто отстаивает

важность одной группы и неважность других, *все происходит так, как будто* социологи обязаны заявлять, что существует только один реальный тип группы, а другие объединения на самом деле ненастоящие, устаревшие, неважные или искусственные. Хотя мы ясно сознаем, что главное свойство социального мира – это постоянное проведение людьми границ, отделяющих их от других людей, социологи социального считают главным свойством этого мира признание бесспорного существования границ, вне зависимости от того, кто и какими средствами их устанавливает. Еще более странным является то, что хотя социологи, экономисты, историки, психологи и политологи в своих газетных колонках, обоснованиях, преподавании, отчетах, исследованиях, комиссиях и статистике только и делают, что способствуют определению и переопределению групп, социальные теории пребывают в состоянии покоя, как если бы существование релевантных акторов было полностью независимым от огромного объема работы, который проделывают профессионалы, или что хуже, как если бы эта неизбежная рефлексивная петля мешала социологии когда-нибудь стать наукой. Но кто бы знал, как обращаться с «бессознательным», не будь Фрейда? Кто бы разоблачил отчуждение, не будь Маркса? Кто смог бы объявить себя «верхним слоем среднего класса», если бы не социальная статистика? Кто научился бы «чувствовать себя европейцем» без редакторских статей в либеральной прессе?

Подводя итог, в то время как для социологов главная проблема, видимо, решить, какая группа будет привилегированной, наиболее обыденный опыт, коль скоро мы ему доверяем, говорит нам, что существует множество противоречивых процессов группообразования, включения в группу, – это деятельность, в которую определяющий вклад, со всей очевидностью, вносят социологи. Так что выбор ясен: либо мы пойдем за социальными теоретиками и начнем путешествие с того, что решим, на каком типе группы и на каком уровне анализа сосредоточить внимание, либо последуем за самими акторами и отправимся в путь по следам, оставленным их деятельностью по формированию и расформированию групп.

Первый источник неопределенности необходимо усмотреть в том, что не существует такой значимой группы, о которой можно было бы сказать, что именно из нее состоят социальные агрегаты, нет такого устоявшегося компонента, который мог бы использоваться как бесспорная отправная точка²². Многие социологические исследования начинаются с выбора одного или нескольких типов групп, который предваряется многочисленными извинениями за в чем-то произвольное ограничение, являющееся неизбежным, как часто говорят, ввиду «необходимости ограничить область исследования» или «права ученого определять свой объект». Но это вовсе не тот выбор, не та необходимость, не те оправдания, с которых хотят начать социологи ассоциаций. Их задача не в том, чтобы с самого начала стабилизировать – будь то для ясности, удобства или же впечатления обоснованности – перечень групп, образующих социальное. Напротив: для них отправной точкой является сама спорность того, кто к какой группе принадлежит, включая, конечно, разногласия социологов о том, из чего состоит социальный мир.

Если мне возразят, что такие слова, как «группа», «формирование групп» и «актор», лишены смысла, я отвечу: «Совершенно верно». Слово «группа» – настолько пустое, что не предполагает ни объема, ни содержания. Его можно применять к планетам в той же мере, что и к индивидам; к компании «Майкрософт», равно как и к моей семье; как к растениям, так и к бабуинам. Именно потому я его и выбрал.

Это важный момент, связанный со словарем АСТ, и я должен познакомить с ним читателя уже на этом раннем этапе, чтобы он не отождествлял язык этой книги с ландшафтом,

²² Этнометодологии Гарфинкеля имеет те же отправные точки, начиная вместо разногласий с повседневных отчетов или же с остроумной идеи «нарушения», преобразующей даже самые обычные встречи в разногласия. См.: *Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology* (Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. – Примеч. ред.). В обоих случаях смысл один: социолог не должен заранее и вместо актора решать, из чего состоит социальный мир. Это самая обычная для химиков, физиков и биологов идея, но в социальных науках она до сих пор считается провокационной...

который мы собираемся посетить. Я нахожу, что лучше всего пользоваться самым расхожим, банальным и даже вульгарным репертуаром, тем самым избегая риска привести в замешательство богатую идиоматику самих акторов. Социологи социального обычно поступают ровным счетом наоборот. Они стремятся разработать точные, хорошо отобранные, изощренные термины для выражения того, что, как они утверждают, говорят акторы. Но тогда они рискуют смешать два метаязыка, поскольку у самих акторов также имеется собственный развитый и вполне рефлексивный метаязык. Если же они занимаются критической социологией, то подвергаются еще большему риску – сделать всех акторов немymi. АСТ предпочитает пользоваться тем, что можно было бы назвать «*инфразыком*», единственный смысл которого, собственно, в том, что он позволяет перемещаться из одной системы координат в другую. По своему опыту я знаю, что это лучший способ услышать четко и ясно словарь самих акторов. И меня не особенно огорчит, если научный жаргон социологов будет приглушен. Если бы мне пришлось разрабатывать тест для определения качественного с точки зрения АСТ исследования, вот что было бы важным индикатором качества: позволяет ли понятиям акторов *доминировать* над понятиями исследователей, или же звучит только речь исследователя? Для письменных отчетов это точная, но сложная проверка: является ли текст, комментирующий различные цитаты и документы, более, менее или таким же интересным, по сравнению с собственными выражениями и способами поведения актора? Если вы находите, что этот тест слишком легко пройти, то тогда АСТ не для вас.

Перечень следов, оставляемых группообразованием

Из-за многочисленных споров, которые ведут социологи и сами акторы о том, что именно должно быть основным строительным блоком общества, вовсе нет оснований разочаровываться в социальной науке. АСТ не утверждает, что мы когда-нибудь узнаем, состоит ли «на самом деле» общество из индивидуальных расчетливых агентов или из гигантских макроакторов. Она также не заявляет, что раз «все позволено», то каждый может выбрать «любимого кандидата» на свой вкус. Напротив, она делает релятивистский, то есть научный, вывод, что эти разногласия предоставляют исследователю важный ресурс, дающий возможность проследить социальные связи. АСТ просто утверждает, что, привыкнув к множеству меняющихся систем координат, мы можем достигнуть правильного понимания того, как производится социальное, поскольку релятивистское соотнесение систем координат – лучший источник объективного суждения, чем абсолютистские (то есть произвольные) установки здравого смысла. Вот почему так важно *не* начинать с высказывания типа: «Социальные объединения образованы преимущественно из (х)». И не имеет значения, что именно кроется за этим «х»: «индивидуальные агенты», «организации», «расы», «малые группы», «государства», «личности», «члены», «воля к власти», «либидо», «биографии», «поля» и т. д.

АСТ просто не считает своим делом стабилизировать социальное от имени тех, кого она изучает. Эту обязанность следует целиком оставить «самим акторам» – весьма злобредное клише, к которому мы еще обратимся в свое время.

Хотя на первый взгляд может показаться, что социологам легче выделить одну группу, чем заниматься картографией разногласий по поводу образования групп, дело обстоит совершенно наоборот, и по вполне эмпирической причине. Группообразование оставляет гораздо больше следов, чем уже стабилизированные связи, которые по определению могут оставаться безмолвными и невидимыми. Если какой-то ансамбль просто есть, то он невидим и о нем нельзя сказать ничего, он не производит следов и потому не дает никакой информации. Если же он вииден, то в таком случае этот ансамбль производится, и он будет порождать новые интересные данные. Выход в том, чтобы заменить перечень групп, образующих социальные агрегаты, – непосильная задача – перечнем элементов, постоянно присутствующих в *разногласиях*

по поводу групп, – задача гораздо более простая. Второй список, конечно, абстрактнее, так как связан с деятельностью, необходимой для очерчивания любой группы, но при этом содержит гораздо больше данных, поскольку всякий раз при ссылке на новую группу будет становиться видимым и прослеживаемым «производственный механизм», необходимый для поддержания ее жизнеспособности. Хотя за сто пятьдесят лет социологи все еще не достигли ясности относительно того, какие социальные объединения считать «правильными»²³, гораздо проще согласиться с тем, что во всяком разногласии по поводу формирования групп, включая, конечно, академические дебаты, всегда присутствуют несколько моментов: группы создаются, чтобы говорить; на карту наносятся антигруппы; привлекаются новые ресурсы, чтобы сделать границы групп более устойчивыми; мобилизуются профессионалы с высоко специализированным оснащением.

Во-первых, для того чтобы очертить группу, – не имеет значения, создается ли она впервые или просто обновляется, – вам понадобятся ее представители, «говорящие в пользу» существования этой группы. Иногда они бывают очень разговорчивыми, как мы видели на примере газеты. Какой бы пример вы ни взяли, будь то феминистки – владелицы собак в Калифорнии, косовары в бывшей Сербии, «*chevaliers du tastevin*»²⁴ в моей родной Бургундии, ачуары в Амазонии, бухгалтеры, антиглобалисты, социологи науки, «человеческие эго», троцкисты, рабочий класс, «силы рынка», «заговорщики» и т. д. – все нуждаются в людях, определяющих, кто они есть, кем они должны быть, кем они были. Эти люди всегда при деле, обосновывая существование группы, оглашая правила и прецеденты и, как мы увидим, оправдывая одно определение и отвергая все остальные. Группы – не безмолвные объекты, а временное порождение постоянного гула, создаваемого миллионами голосов, спорящих о том, что это за группа и кто к какой группе принадлежит. Только подумайте о массе сказанного и написанного, что вошло в ограничение такого необычного множества, как homo oeconomicus²⁵. Не бывает группы без в некотором роде офицера, занимающегося рекрутированием. Нет стада овец без пастуха, без его собаки, посоха, кучи справок о прививках и груды документов на получение субсидий Евросоюза. Если вы все еще считаете, что группы существуют «сами по себе», как, например, «индивид», – просто постарайтесь вспомнить, как много труда потребовалось, чтобы каждый из вас мог «взять жизнь в свои руки». Как много наставлений было нами получено от родителей, учителей, начальников, партнеров и коллег, пока мы ни поняли, что лучше быть «самому себе группой» (группой собственного эго)? И как быстро мы забыли этот урок...²⁶ Хотя группы кажутся уже изначально полностью оснащенными, АСТ не видит ни одной из них без обширной свиты, состоящей из создателей этой группы, лиц, говорящих от ее имени, и тех, кто ею руководит.

Во-вторых, всегда, когда нужно очертить или восстановить границы группы, другие группы объявляются пустыми, архаичными, опасными, устаревшими и т. п. Всякая связь становится отчетливее в сравнении с другими конкурирующими связями. Таким образом, для установления границ любой группы формируется перечень «антигрупп». Это очень удобно для наблюдателей, так как означает, что акторы постоянно вовлечены в процесс разметки «соци-

²³ Причина этой постоянной неопределенности по поводу отправного пункта – индивид ли это, структуры, поля, траектории и т. д., – вера в то, что общество ранжировано по размерам: от small до XXL. Истоки этого заблуждения и способы его избежать мы будем рассматривать лишь во второй части нашей книги.

²⁴ Члены Бургундского содружества знатоков вина. – *Примеч. пер.*

²⁵ Tarde G. Psychologie économique. Основной работой на эту тему остается: Polanyi K. The Great Transformation (Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. – *Примеч. ред.*), но см. также: Hirschmann A. O. The Passions and the Interests; и Callon M. The Laws of the Markets. О последних эмпирических исследованиях, исходящих из перспективы АСТ, см.: Muniesa F. Des marchés comme algorithmes: sociologie de la cotation électronique à la Bourse de Paris; Lépinay V. Les formules du marché. Ethno-Economie d'une innovation financière: les produits à capital garanti.

²⁶ Великое достижение межличностной психологии Тарда состоит в установлении связи между степенью влияния и ростом индивидуализации; см.: Tarde G. L'opinion et la foule; Tarde G. On Communication and Social Influence.

ального контекста», в котором они размещены, тем самым предлагая исследователю полную теорию того, какого рода социология нужна для их изучения²⁷. Вот почему так важно не определять заранее, какой тип социального агрегата сможет обеспечить контекст для всех этих разметок. Очерчивание границ групп – не только одно из занятий социологов, но и постоянная задача самих акторов. Именно акторы творят социологию для социологов, а социологи от них узнают, что составляет их множество связей.

Хотя все это должно казаться очевидным, в действительности подобный результат вступает в противоречие с основной мудростью представителей критической социологии. С их точки зрения, акторы не видят картины целиком, а остаются просто «информантами». Именно поэтому им надо объяснять контекст, «в котором» они находятся, видя при этом лишь его малую часть, тогда как парящий сверху социолог видит «все в целом». Оправдание такой позиции «с высоты птичьего полета» обычно состоит в том, что ученые «рефлексивно» делают то, что информанты совершают «бессознательно». Но даже это вызывает сомнения. Та малая степень осознанности, которую могут обрести социологи, извлекается ими из рефлексивного группообразования тех, кого они в этом месте своего исследования просто паразитически используют. В общем, то, что считается рефлексивностью в большинстве социальных наук, – это явная неуместность вопросов, задаваемых исследователем по поводу серьезных дел акторов²⁸. Как правило, гораздо лучше принять по умолчанию позицию, в соответствии с которой исследователь всегда на одну рефлексивную петлю *позади* тех, кого изучает.

В-третьих, когда формируются или перераспределяются группы, говорящий от их имени представитель яростно стремится их определить, *о-граничить*. Их границы отмечаются, очерчиваются, представляются неизменными и долговременными. Каждой группе, вне зависимости от того, насколько велика она или мала, нужны *границы*, подобные мифическому рву, выкопанному Ромулом вокруг зарождающегося Рима²⁹. Исследователю очень удобно, если всякое образование группы сопровождается выкапыванием всевозможных отличий, мобилизуемых для укрепления групповых границ и защиту их от встречного давления со стороны всех конкурирующих антигрупп, грозящих ее уничтожить. Есть бесчисленное множество способов сделать ограничение группы конечным и надежным, при этом настолько, что в итоге она выглядит как объект проблематичного определения. Вы можете апеллировать к традиции или к праву. Можете изобретать странные гибриды вроде «стратегического эссенциализма» или укоренять границу в «природе». Вы даже можете превратить определение в «организацию генома», связать его с «кровью и почвой», сделать «народной традицией», погрузить в обычаи или привычки. И наоборот, вы можете связать это определение со свободой, эмансипацией, искусством, модой или историей. В итоге оно станет настолько бесспорным, что будет считаться само собой разумеющимся и, таким образом, не будет уже оставлять ни следов, ни проблесков, ни информации. Теперь этот ансамбль оказывается целиком за пределами социального мира – в понимании АСТ, – пусть даже в обычном смысле он является подлинным элементом социального.

В-четвертых, в множество тех, кто говорит от лица групп и делает возможным их долговременное определение, должны быть включены социологи, социальные науки, социальная статистика и социальная журналистика. Здесь одно из принципиальных различий между двумя направлениями мысли. С точки зрения социологов социального, социология должна

²⁷ Никто не разрабатывал этот вопрос тщательнее, чем Гарфинкель. См. известный случай неопределенной гендерной принадлежности у Агнес и его критику в: *Denzin N. K. Harold and Agnes: A Feminist Narrative Undoing*.

²⁸ Рефлексивность – ловкий термин, имеющий интересное значение, когда относится к акторам или объектам, но он становится опасным, когда трактуется как эпистемологическое достоинство, предохраняющее социолога от нарушения объективности (см.: *Hennion A. Pragmatics of Taste*).

²⁹ Эта версия основания Рима приводится в том числе Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях». По другой версии Ромул провел борозду. – *Примеч. ред.*

стремиться стать наукой в традиционном смысле – быть объективным взглядом на внешний мир, делающим возможным описание, в каком-то смысле не зависящее от групп, воплощаемых акторами. Для социологов ассоциаций любое исследование любой группы любым социологом – это часть того, что определяет существование группы, ее сохранение, распад и исчезновение. В развитом мире нет такой группы, к которой бы ни был прикреплен хоть какой-нибудь инструмент социологического исследования. Это не некая «неустраняемая ограниченность» социологии, связанная с тем, что социологи тоже «члены общества» и им трудно «извлечь себя» из собственных «социальных категорий». Дело просто в том, что они – наравне с теми, кого изучают, – выполняют ту же работу и участвуют в решении той же задачи – прослеживания социальных связей, хотя и с помощью других инструментов и исходя из другого профессионального призвания. Если с точки зрения первого направления акторы и исследователи сидят в двух разных лодках, то в понимании второго они все время плывут в одной и той же лодке и играют одну и ту же роль – участвуют в образовании групп. Если речь идет о сборке социального, то лишних рук не бывает. Только в конце этой книги мы выведем следствие из этого фундаментального равенства.

Неважно, насколько грубым и предварительным выглядит мой перечень, но уже понятно, как с его помощью прослеживать многочисленные социальные связи вместо того, чтобы постоянно увязать в невыполнимой задаче решить раз и навсегда, какую «правильную» единицу анализа должна выбрать себе социология, чтобы на ней сосредоточить свое внимание. Однако для АСТ это лишь отчасти преимущество. С одной стороны, мы освободились от невыполнимой задачи, которая мешала бы нашему движению. С другой – нам теперь придется принимать в расчет гораздо больше противоречащих друг другу картографий социального, чем нам самим бы хотелось, и *это*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.